

Тенденции инновационализации права

М.В. Дегтярев

Аннотация – Статья посвящена исследованию и интерпретации тенденциям в инновационализации права. Это обусловлено тем, что целевая междисциплинарность многих современных технологических инноваций предопределяет объективную потребность в «поспевающем» регуляторном их обеспечении и сопровождении, как следствие – это влечёт необходимость обращаться к вопросу о будущем в сфере права. Автор обращается к природе и значению правовых инноваций, объясняет понятие правовых инноваций. Автор выделяет целый ряд тенденций в текущем (с экстраполяцией на последующее, на будущее) развитии права, которое он связывает с инновациями. В их числе, автор более подробно останавливается на следующих тенденциях: 1) тенденция прогрессирующего повышения технологичности профессиональной юридической деятельности; 2) тенденция усложнения онтологии права и регуляторных пространств; 3) тенденция онтологического упрощения права. Согласно авторской позиции, существует множество различных причин усложнённости законодательства и всего права в целом, а также причин предпосылок к нелинейному росту сложности. Тенденция усложнения и повышения энтропийности (хаотизации, запутанности, дезупорядоченности) законодательства обусловлена самой спецификой феномена права; и объективно имеющиеся тенденции усложнения регуляторных ландшафтов, регуляторных сред не могут не сопровождаться и не уравновешиваться тенденциями их принудительного упорядочивания и упрощения. Автор делает вывод о том, что прогнозируемое будущее в сфере права (достигаемое активным позитивным и проактивным конструированием правового порядка и правового пространства) не предопределено, его достижение требует прикладывания определённых существенных усилий. В статье предложен ряд мер, предиктивно упорядочивающих описываемые тенденции.

Ключевые слова — правовая инновация, инновационные публично-правовые режимы, нетипичные регуляторные технологии, технологии в профессиональной юридической деятельности.

I. ВВЕДЕНИЕ

Целевая междисциплинарность многих современных технологических инноваций (даже и деструктивных – «подрывных») и объективная потребность в регуляторном их обеспечении и сопровождении влекут неминуемую необходимость обращаться к вопросу о будущем в праве, о инновационных предпосылках его соответствия технологическому развитию «на земле», куда праву придётся спуститься «с небес» своей абстракции. Но каким оно – право – будет в будущем, на

Статья получена 06 февраля 2023 г.

М.В. Дегтярев – кафедра административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), докторант, кандидат юридических наук (e-mail: mvdegyarev@adm.khv.ru).

что мы можем рассчитывать и в чём твёрдо можем быть уверены, к чему можем питать робкие надежды?

Согласно Джону Арри, «будущее также кажется всё более стремительно приближающимся», и резон обращения к исследованиям будущего «заключается в том, чтобы продемонстрировать многочисленные усилия (предпринятые в прошлом и сейчас) по прогнозированию, визуализации и разработке будущего (будущих) в различных областях человеческой деятельности... В 1994 году журнал *New Scientist* посвятил специальный выпуск теме будущего, отметив, что будущее – это “чужая страна”, поскольку там всё делается по-другому (*New Scientist* 1947, 5 октября 1994 года). Редакционная статья утверждала, что всё более сложная природа мира делает ещё более важным знание будущего, чтобы лучше понимать настоящее. Примерно так же Джон Ф. Кеннеди сказал, незадолго до своему убийства в 1963 году, что: “Перемены – это закон жизни. И те, кто смотрит только в прошлое или настоящее, наверняка упустят будущее” (Обращение Кеннеди 1963 года). Будущее определённо наступило, но что именно оно собой представляет, остаётся загадкой, возможно, величайшей из загадок. Будущее теперь повсюду. Размышления о будущем и предвидение будущего необходимы почти всем организациям и обществам. Будущее присутствует в большинстве современных повесток дня – многие считают, что будущее является лучшим руководством к действию в настоящем, чем то, что произошло в прошлом. Целые государства, корпоративные образования, вузы, города, НПО и отдельные люди считают, что они не могут упустить будущее; эта “чужая страна” теперь повсюду. Но в то же время будущее непредсказуемо, неопределённо и часто даже непознаваемо, оно является результатом многих известных и особенно “неизвестных неизвестных”... Были разработаны конкретные методы для прогнозирования, визуализации и оценки потенциального будущего» [1, с. 1–2].

Тенденции, предопределяющие будущее в праве, само будущее онтологии и гомеостаза Права (правовой реальности, правовых ландшафтов и пространств, правовой системно-структурированной нормативной массы) в будущем, связанные с проактивным обеспечением будущих связей между Правом и продвинутой реальностью (так называемые Реальность 4.0 и Реальность 5.0 – в соотношении с понятиями Индустрия 4.0 и Индустрия 5.0 [2; 3]) для улучшения социальных-экономических, политических, нравственно-культурных и технологических условий в стране, – не раз уже исследовались современными правоведами [4–9].

Но тематика эта явно не исчерпана и даже не прояснена сколь-нибудь удовлетворительно. А поиск эксклюзивных (может быть даже инсайдерских) знаний

о новейших (нетипичных) юридических технологиях и инновационных публично-правовых решениях, в целом правовых инновациях – сегодня в тренде, слишком велик запрос в научно-правовом сообществе на такие знания.

И вопросы резонанса, приоритетных направлений, потенциальных решений, конкретных планов и хронологической раскладки юридико-технологической, нравственной и даже парадигмальной трансформации правовой системы государства, трансформации роль посредника между законом и технологиями – будут всё более и более актуальными уже в ближайшем нашем будущем.

II. НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Инновационализация публично-правовых режимов – это неотъемлемый элемент их онтологии (бытийствования) и процесса их развития, без этого невозможно существование права (понятно, речь идёт о разумно-рациональной и полезной инновационности, а не об «инновационности ради самой инновационности» и потребления бюджетных средств мнимыми «инноваторами»).

Филип К. Ховард относительно существенно значимых правовых установлений, закреплённых несколько десятилетий и даже веков назад, несколько излишне эмоционально, но по сути верно сказал: «Нашей демократией управляют покойники [из глубины веков]» (цит. по: [10, с. 49]). Какие-то из этих давно уже установленных нормативных предписаний вполне уместны и ценны и сегодня, требуют сохранения и в будущем, но немало и таких, что неосновательно отягощают и задерживают («тормозят») развитие экономики, культуры, науки, образования, общества и государства. И вот в отношении таких устаревших элементов правовой системы презюмируется полезность, ценность правовых инноваций. Но не только в этом функционально-целевая нагрузка инновационности публично-правовых режимов.

«Сердцем» инновационности публично-правового режима является синтетический сплав объективно имеющей место новизны (ранее не было) проектируемых, тестируемых или внедряемых ключевых регуляторных решений в нём, его реалистичности и в целом прагматической релевантности непосредственно в его основе и в его производных, его полезности и наличия в нём необходимого и достаточного потенциала благо- и выгодо-производительности.

В рамках процесса потенциал каждой правовой инновации имеет свойство терминальной исчерпаемости (исчерпываемости).

Прогностический взгляд в будущее позволяет проследить весьма вероятные сложные тенденции обретения регуляторной средой некоторых вполне выраженных свойств, которые имеют самое непосредственное отношение к инновационности публично-правовых режимов.

В их числе нами прогнозируются нижеследующие:

– тенденция прогрессирующего повышения технологичности профессиональной юридической деятельности;

– тенденция усложнения онтологии права и регуляторных пространств;

– уравнивающая, компенсирующая сложность тенденция упрощения права;

– тенденция расширения и интенсификации задействия смарт-контрактов (см.: [11]);

– тенденция расширения и интенсификации задействия итеративно-адаптируемого и иного активного (в том числе предиктивно-активного, проактивного) моделирования в праве (см.: [12; 13]);

– тенденция расширения и интенсификации задействия регуляторного и арбитражного эксперимента (см.: [14; 15]);

– тенденция расширения и интенсификации задействия интеллектуализированного регулирования, в том числе мета-регулирования и регуляторных песочниц (см.: [16; 17]);

– тенденция расширения и интенсификации задействия сверхдецентрализованного, распределённого и гибридизированного регулирования.

В отношении последнего из пунктов сошлёмся на опыт регулирования Федеральным законом от 22.12.2020 № 437-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О федеральной территории «Сириус»», согласно части 1 статьи 8 которого этот весьма уникальный, специфический энтитет – федеральная территория «Сириус» (в лице её органов публичной власти) – наделён одновременно (то есть гибридизованно и реализуя принцип «мраморного пирога» [18; 19] в децентрализации публичной власти) следующими полномочиями: 1) отдельные полномочия Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, переданные для осуществления органам публичной власти федеральной территории «Сириус» в соответствии с федеральными законами, указами Президента РФ, а также постановлениями Правительства РФ по согласованию с Администрацией Президента РФ; 2) отдельные полномочия Российской Федерации, переданные для осуществления органам государственной власти субъектов РФ федеральными законами в случаях, если в соответствии с указанными федеральными законами и законами Краснодарского края такие полномочия передаются органам местного самоуправления или в них прямо предусмотрено, что такие полномочия осуществляются органами публичной власти федеральной территории «Сириус»; 3) полномочия органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, за исключением некоторых полномочий (указанных ниже); 4) отдельные полномочия Краснодарского края, переданные для осуществления органам публичной власти федеральной территории «Сириус» нормативными правовыми актами Краснодарского края; 5) полномочия органов местного самоуправления городского округа; 6) полномочия в сфере организации

и обеспечения деятельности органов публичной власти федеральной территории «Сириус» и подведомственных им организаций и учреждений.

То есть в этой части лёд тронулся.

Понятно, что это лишь часть от общего объёма тенденций, но весьма часть существенная (и всё это – именно об инновациях в праве), на некоторых из них мы и сосредоточимся далее.

III. ТЕНДЕНЦИЯ ПРОГРЕССИРУЮЩЕГО ПОВЫШЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вполне логичным следствием усложнения окружающего мира и правоотношений, как следствие – усложнения информации об этом и усложнения ожиданий клиентов) является повышение зависимости в профессиональной юридической деятельности от технологий.

Повышение важности юридических технологий остаётся ведущей и растущей тенденцией на протяжении последних нескольких лет: 79% юристов отмечают её как главную тенденцию в 2022 году, по сравнению с 77% в 2021 году. Эта тенденция сопряжена с другой, вытекающей из неё, и состоящей в том, что юридическая организация, оснащённая технологиями, будет всё более переходить на и поддерживать способ работы: гибридный или удалённый на полный рабочий день [20]. Профессиональная юридическая деятельность в части коммуникаций всё более начинает уходить в онлайн и становится всё более инструментальна.

К числу собственно перспективных технологий, которые уже сегодня изменяют (и будут в последующем делать это много более интенсивно) онтологию юридической деятельности и юридической профессии (во всех их составляющих), обоснованно отнести следующие:

- технологии искусственного интеллекта (ИИ) в праве [21; 22; 23]; следует понимать, что полноценным судьёй – заменой человеку ИИ не станет никогда, но объективно есть огромный пласт специфических споров, в том числе арбитражных третейских, в которых стороны объективно могут быть согласны на разрешение их споров самообучающимся и когнитивно развитым алгоритмом (ИИ), и там ИИ вполне может быть задействован в качестве арбитра;

- технологии машинной правовой прикладной аналитики [24–27];

- технологии цифровых моделей-двойников в праве (см.: [28]);

- технологии кибер-мета-вселенных в праве и правовой деятельности (см.: [29; 30]);

- технологии машиночитаемого, машинопроектируемого и машиноисполняемого права (см.: [31]).

И эти привносимые в юридическую среду технологические возможности, сами по себе, неминуемо привносят выраженную инновационность в право и в юридическую деятельность, создавая предпосылки и условия, отправные точки для дальнейшей инновационализации в правовой сфере.

IV. ТЕНДЕНЦИЯ УСЛОЖНЕНИЯ ОНТОЛОГИИ ПРАВА И РЕГУЛЯТОРНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Важным элементом будущего в процессе его приближения и наступления (то есть со временем) станет всё большая сложность, диверсифицированность, амбивалентная по-доменная регуляторная обособленность (диссоциированность) и одновременно интерсекциональность регуляторных пространств, ландшафтов.

Уже сегодня юристы нередко вынуждены, прилагая немало усилий, выискивать в «глухом, густом лесу» нужны им нормы права, обнаруживая множественные коллизии норм, неопределённости норм (в том числе в части их иерархизации), продираются сквозь словесные завалы плохо сделанных правовых дефиниций и правовых интерпретационных позиций. И указанная тенденция ведёт к усугублению всего этого.

Но мы не должны рассматривать усложнение и сложность в сфере права как inferнальное зло, влекущее императив обязательно негативного оценивания таких феноменов, онтологий и тенденций.

Как писал Питер Шак, «простота – убедительная добродетель. Поэты восхваляют её. Художники стремятся к ней. Моралисты проповедуют её. Монахи живут ею. Даже сегодня – особенно сегодня, когда простота становится всё более неуловимой – мы, обычные люди, отдаём ей хотя бы словесную дань уважения. Взгляды учёных на простоту, в общем, более сложны. С одной стороны, простота пробивается сквозь наше интеллектуальное зерно. Мы испытываем сильный вкус к сложности; более того, сложность представляет собой ценность ремесла. С другой стороны, учёные принимают простоту (по крайней мере, в её более сложных формах) в силу профессиональной идеологии и обычая. Признавая, что ценность информации является решающим ограничением для большей сложности, учёные рассматривают упрощение как необходимую уступку нашему ограниченному знанию. Это понимание даёт много плодотворных следствий. Учёные воспринимают ещё одно достоинство простоты – на мета-научном уровне. Там принцип "бритвы Оккама" утверждает, что более простые теории обладают большей методологической, эпистемологической и эстетической элегантностью и ценностью. Предлагается исследовать сложность, обратную простоте, и, более конкретно, юридическую сложность. Конечно, любая попытка систематического анализа этой темы сопряжена с трудностями. В конце концов, юридическую сложность трудно определить, а тем более измерить. Она возникает во множестве различных контекстов, которые могут иметь мало общего, контекстов, в которых её значение может быть различным, а её последствия нелегко проследить. Задача отличить, когда она является причиной какого-то другого условия от того, когда она является следствием какой-то другой причины, всегда трудна, особенно из-за того, что сложность часто ассоциируется с однокоренными понятиями, такими как неопределённость. Даже когда её последствия могут быть изолированы, их оценка не является простым делом. Тем, кто пытается обобщить и, следовательно, упростить столь тонкий и запутанный

предмет, стоит задуматься над словами зануды Генри Адамса, который называл простоту “самой коварной любовницей, которая когда-либо предавала человека”. Однако, несмотря на все свои подводные камни, попытка проанализировать юридическую сложность представляется достойным предприятием. Это, конечно, не потому, что юридическая сложность – новая тема. На самом деле, это древняя проблема, которая продолжает волновать юристов, политиков, социальных критиков, редакционных писателей, мужчин и женщин с улицы, которые почти всегда осуждают юридическую сложность в самых язвительных выражениях. Однако, несмотря на каскад общественной и профессиональной критики, рассмотрение правовой сложности в академических кругах всё ещё находится в зачаточном состоянии; предмет остаётся более узко понятным, чем того требует его важность» [32, с. 1–2].

Соответственно, согласно Питеру Шаку, «нормативно-правовое установление, правовой процесс или институт не являются ни простыми, ни сложными; они лишь более или менее простые или сложные по сравнению с какими-то другими фактическими или идеальными. Сложность является многомерной, и её параметры нелегко измерить, а тем более взвесить. Следовательно, невозможно и нежелательно пытаться классифицировать что-то именно как простое или сложное... Анализ юридической сложности содержит важные уроки для законодателей, граждан и учёных. Профессиональные производители, рационализаторы и исполнители законов должны более тщательно обдумывать сложные правила и системы, которым они склонны отдавать предпочтение. Возможно, более систематический взгляд на причины и последствия сложности может привести их к различным выводам о её достоинствах в той или иной правовой сфере. Однако, учитывая политическую экономию сложности, производители законов вряд ли примут этот более систематический взгляд самостоятельно» [32, с. 3–5, 51–52], если к тому не прилагать немалых целенаправленных усилий.

Хороший закон – это необходимый, эффективный, ясный, последовательный и доступный для понимания; речь идёт о содержании закона, его архитектуре, языке и доступности, а также о связях между этими понятиями. Но объективно это отнюдь не всегда простой закон. Увеличение длины нормативных правовых актов не является автоматически и само по себе признаком сложного законодательства. Короткие акты могут быть даже более сложными, чем длинные, поскольку они могут не включать все детализации и конкретизации, необходимые для эффективного достижения заявляемых целей. Короткий акт, который требует от пользователя перехода к сложному набору нормативных актов, в целом не является упрощающей мерой. Не существует единственной причины чрезмерной сложности законодательства. Сложные процедуры, несовершенное взаимодействие между заинтересованными сторонами и непредсказуемость внешних факторов – всё это поразному и на разных этапах жизненного цикла законодательства способствует созданию неоправданно сложного законодательства [33, с. 1, 7, 19].

Тенденция усложнения и повышения энтропийности (хаотизации, запутанности, дезупорядоченности) законодательства обусловлена самой спецификой феномена права, представляющего собой только в нормативном его сегменте (а ещё есть правовое понимание и толкование, правовые позиции в судебных решениях, правовые обычаи, а также правовые доктрины – последним в одних правовых системах придаётся большее значение, в других – существенно меньшее) постоянно развивающуюся и органично расширяющуюся (сложным образом наслаивающуюся) сеть наисложнейшей нормативной информации, являющей собой открытую сложную динамическую систему со свойствами субстантивности, целыми горизонтами неявных и нечётких сложных взаимосвязей и взаимодействий, объективными детерминантами ограниченности возможностей беглой и лёгкой навигации по системе права, в том числе в части поиска и выявления коллизий (противоречий), пробелов, иных дефектов, а также изменений. И причин тому, что законодательство и всё право в целом, уже является сверхсложным, неизбежно будет сложным, да ещё и имеет тенденции к нелинейному росту сложности, – множество, причём на каждом из этапов законодательного и в целом нормотворческого и нормопроизводственного процесса.

V. ТЕНДЕНЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО УПРОЩЕНИЯ ПРАВА

Объективно имеющиеся тенденции усложнения регуляторных ландшафтов, регуляторных сред не могут не сопровождаться и не уравниваться тенденциями их принудительного упорядочивания и упрощения.

Уже настолько чётко видны эти тенденции за достаточно длительный истекший срок (в ретроспективном обозревании и исследовании), причём в весьма стабильном состоянии, что эти тенденции вполне могут быть обоснованно экстраполированы и на будущее в перспективном протяжении до достаточно отстоящего от нас времени.

Регуляторное упрощение (англ. «plain» отражает понятность, а для того – ясность и простоту письменной речи) – это одна из инноваций в публично-правовых режимах.

В австралийском правительственном документе от июня 2016 года «Снижение сложности законодательства» сказано: «Чрезмерно усложнённое законодательство сжигает ценные ресурсы: увеличение времени и ресурсов, затрачиваемых судами, советниками, администраторами и широкой общественностью на чтение и понимание законодательства; увеличение времени и ресурсов, затрачиваемых другими участниками законодательного процесса, включая инструкторов, законодателей. Некоторые решения в отношении законодательства, создающие сложность, находятся вне контроля составителей и заказчиков (например, решения кабинета министров или министров). Политические потребности могут потребовать определённых законодательных подходов, которые по своей природе являются сложными. С этими решениями мало что можно сделать... Хотя мир, в котором действует

законодательство, становится все более сложным, инструкторы и составители могут предпринять шаги для уменьшения этой сложности» [34, с. 1, 23].

Упрощение юридико-технического (нормайтерского, юрисдикционно-документарного и др.) языка здесь никоим образом не может пониматься как примитивизация. Речь идёт об онтологическом его упрощении [35, с. 271–293, 355–360, 690–691] и о повышении его простоты, ясности, системной согласованности – для обеспечения доступности для понимания, но в профессиональном понимании.

Согласно И.В. Понкину, «упрощение законодательства (как процесс и как искомая цель) – это (реализуемая в целях повышения системной упорядоченности и эффективности системы законодательства, доступности и эргономичности, в том числе понятности, законодательства для потребителя) логика и топология проектирования и программирования и практической реализации мер по существенному снижению вплоть до исключения и последующей превенции критической редундантности (заурегулированности, избыточной загроможденности и тяжеловесности) и энтропийности (разупорядоченности, дезорганизованности) массива правовых норм, по отысканию, валидации и внедрению более рациональных и простых в закреплении и реализации инструментов правового регулирования» [36, с. 306].

Следует заметить, что, согласно Федеральному руководству США по ясному языку от 2011 года: «Один из самых популярных мифов об обычном языке заключается в том, что вы должны “приглушить” свой контент, чтобы каждый мог его прочитать. Это – неправда. Первое правило ясного языка гласит: следует писать для своей целевой аудитории. Используйте язык, который ваша аудитория знает и с каким чувствует себя комфортно. Учитывайте текущий уровень знаний вашей аудитории. Не пишите для восьмиклассников, если ваша аудитория состоит из кандидатов наук, владельцев малого бизнеса, работающих родителей или иммигрантов. Пишите для восьмиклассников, если ваша аудитория действительно состоит из восьмиклассников. Убедитесь, что вы знаете, кто составляет вашу аудиторию – не гадайте и не предполагайте. Вы должны привлечь внимание аудитории, если хотите донести до неё свои идеи» [37].

Созвучно сказанному звучат строки австралийского правительственного документа от июня 2016 года «Снижение сложности законодательства» о том, что, в принципе, «не следует думать, что законодательные акты могут быть написаны так, чтобы каждый мог их понять. Очевидно, что не каждый грамотный человек может понять современный Закон о землевладельцах и арендаторах или Закон о недвижимости, но из этого не следует, что они плохо составлены... Составитель должен стараться написать свой закон так, чтобы он был понятен тем, кто должен его понимать, а именно лицам, которым он адресован, лицам, которые должны его применять, а также судам и судьям, которые должны его применять. Читатель, не имевший ранее контактов с законодательством, обнаружит, что законодательство является сложным, независимо от того, насколько сильно составители и заказчики пытаются уменьшить

сложность. Нереально предположить, что сложные предметные и политические области, которые регулируются законодательством, могут быть сведены к правилам, понятным широкой общественности. Вместо этого сложность следует оценивать по стандартам целевой аудитории законодательства: сотрудников, ответственных за соблюдение корпоративных норм, профессиональных консультантов в данной области, администраторов, судей, заказчиков и самих разработчиков» [34, с. 1–2].

Вместе с тем, во многих штатах США судьи применяют доктрину «разумных ожиданий» (англ. – *reasonable expectations*), что означает: если компания обманывает клиентов, то ей не поможет никакой шаблонный язык (никакие уловки в этой части); это юридический принцип, основанный на утверждении, что любые положения договора в случае недоразумений следует толковать так, как их может интерпретировать «обычный разумный человек», то есть не осведомлённый в правовых тонкостях [10, с. 179].

Именно в рамках вышеозначенного правила и следует понимать и толковать языковые, коммуникативные, юридико-технические «простоту», «ясность», «доступность для понимания».

Под цели именно в таком понимании принимались и именно так следует понимать и рассматривать Закон Франции от 09.12.2004 № 2004-1343 (ред. от 17.05.2011) «Об упрощении правового регулирования», Закон Франции от 20.12.2007 № 2007-1787 (ред. от 23.03.2019) «Об упрощении правового регулирования», Закон Франции от 12.05.2009 № 2009-526 (ред. от 24.08.2021) «Об упрощении и уточнении правового регулирования и упорядочении процедур», Закон Франции от 17.05.2011 № 2011-525 (ред. от 07.02.2022) «Об упрощении и повышении качества правового регулирования», Закон Франции от 22.03.2012 № 2012-387 (ред. от 05.07.2019) «Об упрощении правового регулирования и сокращении административных процедур», Закон Франции от 11.10.2013 № 2013-907 (ред. от 07.12.2022) «О прозрачности публичной жизни», Закон Франции от 19.07.2019 № 2019-744 «Об упрощении, уточнении и обновлении законодательства о компаниях» (франц. *simplification du droit* – упрощение права, законодательства, правового регулирования, франц. *clarification du droit* – прояснение, уточнение, стремление сделать более ясным и понятным права, законодательства, правового регулирования).

Согласно статье 5 «Что такое простой язык» Закона Новой Зеландии от 21.10.2022 № 54 «О понятном языке», «в настоящем Законе ясный язык означает язык, который: а) соответствует целевой аудитории; и б) ясно, лаконично и хорошо организован».

Согласно пункту 3 секции 3 Закона США от 13.10.2010 № 111–274 «О ясном стиле письма», «термин “**понятное письмо**” [англ. – *plain writing*] означает письмо, которое является ясным, кратким, хорошо организованным и следует другим лучшим практикам, соответствующим предмету или области и предполагаемой аудитории». При этом согласно секции 2 названного Закона, «целью данного закона является повышение эффективности и подотчётности федеральных агентств перед общественностью путем

продвижения чёткой правительственной коммуникации, которую общественность в состоянии понимать и использовать».

Надо сказать эта инноватика имеет уже немалую историю.

Закон штата Нью-Йорк (США) от 1978 года «О ясном английском языке» (New York's Plain English Law, 1978 / 1978 N.Y. Laws ch. 199), в числе прочего, устанавливал:

«а). Каждое письменное соглашение, заключённое после первого ноября 1978 года для аренды помещения, предназначенного для жилых целей, или в котором потребитель является стороной и деньги, имущество или услуги, являющиеся предметом сделки, предназначены в первую очередь для личных, семейных или домашних целей, должно быть:

1) написано ясно и последовательно с использованием слов, имеющих обычное и повседневное значение;

2) надлежащим образом разделено на разделы и озаглавлено различными наименованиями» (цит. по: [38, с. 451–452]).

Как писала Розмари Мукад об этом законе: «Legalese [юридический английский], язык, встречающийся в большинстве юридических документов, стал традицией и торговой маркой юридической профессии. Юридический язык включает в себя слова, значения которых обычно не понимаются, запутанные предложения и некачественную организацию. Существует несколько причин развития юридического языка. Каждая профессия разрабатывает свой собственный жаргон. Когда жаргон используется только в рамках профессии, он служит достойным средством сгущения и точности. Однако когда этот язык распространяется на потребительские контракты, для перевода договора требуется юрист. Другим фактором, способствующим развитию юридического языка, является чрезмерная точность, то есть избыток точности в результате желания быть однозначным. Однако чрезмерная точность часто приводит к неточности или неясности для обычного потребителя. Юристы также могут испытывать чувство превосходства над неспециалистами, используя язык, понятный только им. В последние годы большое беспокойство вызывает злоупотребление английским языком. Юридический язык не избежал критики. В то время как использование юридического языка может быть оправдано в рамках профессии при заключении крупных деловых сделок, его использование в потребительских контрактах и договорах аренды теперь находится под вопросом. Учитывая эту озабоченность юридическим языком, законодательные действия в области потребительских договоров были неизбежны... Закон о простом английском языке не совершенен. Существуют реальные вопросы относительно того, какие именно договоры подпадают под действие закона и насколько строго стандарт будет применяться в судах. Хотя многие считают эту неопределённость недостатком, широкий стандарт был намеренным. Он придаёт закону гибкость и возможность быть адаптированным для обеспечения справедливости в различных ситуациях. Недостатки Закона о простом английском языке затмеваются его

победами. Его главная цель уже достигнута благодаря подавляющему числу соблюдающих закон. Наиболее важной функцией закона является признание принципа: простой язык желателен и достижим в потребительских договорах. Это не маленькое достижение. Есть надежда, что это движение распространится и на другие области юридической литературы. Критики нынешнего закона не прекращают борьбу за его отмену или изменение. В законодательный орган было внесено несколько законопроектов, но ни один из них не прошёл дальше комитетов. Хотя некоторые рекомендации кажутся заслуживающими внимания, большинство из них были тривиальными и слишком техническими. Закон эффективен в его нынешнем виде... Хотя юридическое письмо является и должно оставаться искусством, нет причин, почему юристы не должны придерживаться и извлекать пользу из вековых советов уважаемых английских стилистов, таких как Уильям Странк-младший, которые постоянно призывают к «чистоте, точности и краткости в использовании английского языка» [38, с. 451, 464–465].

Президентский исполнительный указ (Президента Джими Картера) от 23.03.1978 № 12044 ((Presidential Executive Order № 12044 of 1978)) был направлен на «принятие процедур по улучшению существующих и будущих правил» и был первым исполнительным указом, предписывающим агентствам пересматривать существующие правила и определять, следует ли их сохранить, изменить или упразднить – процесс, известный как ретроспективная проверка регулирующим органом. Названный указ был отменён Президентом США Рональдом Рейганом в 1981 году, но создал прецедент для ретроспективного пересмотра регулирующих органов (англ. – «*retrospective regulatory review*» или «*retrospective review*»), который был изменён и дополнен последующими президентскими администрациями. Для наших исследовательских целей важно, что этот Указ, направленный на «принятие процедур по улучшению существующих и будущих правил» в соответствии с заявленной целью, потребовал, чтобы федеральные нормативные акты должны быть понятными для граждан. Ещё ранее Президентский исполнительный указ (Президента Джеральда Форда) от 1978 года № 11821 «Отчёты о воздействии инфляции» требовал от федеральных агентств США выпускать отчёты, оценивающие инфляционное воздействие основного законодательства и предлагаемых регуляторных решений.

Но историю вопроса надо вести от много более ранних времён. Ещё в 1875 году в Правительстве Великобритании был сформирован специальный комитет для рассмотрения вопроса о том, «можно ли и какими средствами улучшить формулировки и язык действующего законодательства» [33, с. 3].

И ещё ранее, в главе XIX «О составлении и слога законов» (пункты 448–460) Наказа Российской Императрицы Екатерины II от 30.07.1767 Комиссии о составлении («о сочинении») проекта Нового Уложения [39, с. 268–269] было немало положений касалось проблемы запутанности, перегруженности законов и предлагало пути исправления ситуации.

Но вернёмся ко дню сегодняшнему.

Преамбула Закона Автономного сообщества Эстремадура (Испания) от 27.07.2022 № 4/2022 (ред. от 25.11.2022) «Об административных рационализации и упрощении в Эстремадуре» гласит: «Законы – это не чистые акты власти, а мудрость, справедливость и разум. Законодатель осуществляет не власть, а таинство. Он не должен упускать из виду тот факт, что законы создаются для людей, а не люди для законов; что законы должны быть приспособлены к характеру, привычкам и положению людей, для которых они создаются; что нужно трезво относиться к нововведениям в законодательстве, так как если можно вычислить в новом институте преимущества, которые предлагает нам теория, то невозможно знать все недостатки, которые может обнаружить только практика; что нужно сохранять то, что хорошо, если сомневаешься в том, что лучше; что, исправляя злоупотребление, нужно видеть и опасности собственного исправления; что было бы абсурдно предаваться абсолютным представлениям о совершенстве вещей, которые способны лишь на относительное добро; что вместо изменения законов почти всегда полезнее представить гражданам новые причины ценить их». Эти слова, взятые из вводной части Французского Гражданского кодекса 1804 года, всё ещё актуальны, за исключением неинклюзивного языка, не совсем пригодного для сегодняшнего времени. Дилемма, с которой столкнулась кодификация того времени: «всё предусмотреть» и в то же время «всё упростить», также остаётся актуальной. Уже тогда было ясно, что «стремление захотеть все регулировать и всё предвидеть опасно» и кажется «недостижимой целью». В то же время важно избегать «упрощения законов до такой степени, чтобы оставить граждан без правил и гарантий соблюдения их интересов». Именно в этом сложном равновесии мы находимся два столетия спустя. Странная петля, из которой единственный выход – принятие законов с осевым призванием. Законы, которые, начиная с фундаментальных, центральных и главных аспектов регулирования, устанавливают общие принципы, которые лежат в его основе и на основании которых регулирование имеет смысл и оправдано».

Преамбула Закона Автономного сообщества Каталония (Испания) от 29.12.2011 № 10/2011 (ред. от 17.07.2018) «Об упрощении и улучшении нормативного правового регулирования» гласила: «Каталонская система нормативного регулирования значительно расширилась, в основном в результате развития предписаний Сообщества и государства. Такое разрастание нормативных актов, которое в некоторых случаях привело к определённой путанице, также часто приводило к дублированию органов и функций в различных отраслях административной деятельности. В целях сокращения и уточнения законодательства с целью сделать его более доступным и понятным для граждан, которые являются конечными адресатами правил, данный Закон направлен на прогрессирование в процессе административного упрощения. Для этого Закон вводит в правовую систему ряд мер, которые влекут за собой упорядочение формальностей и процессов, чтобы добиться того, чтобы государственная администрация стала эффективным инструментом для обслуживания граждан. Для достижения этой цели и

придания правового статуса многим нормативным актам, которые были признаны нуждающимися в изменении, либо для упрощения формальностей содержащихся в них процедур, либо потому, что с течением времени возникла необходимость в изменении их статей, требуется утверждение нормативного акта со статусом закона, который объединяет в одном тексте меры, необходимые для достижения этих целей». Статья 1 названного каталонского Закона его целью определяет «проведение необходимых административных и нормативных реформ в правовой системе для упрощения процедур и улучшения нормативного регулирования».

Схожие цели преследуют Закон Автономного сообщества Мурсия (Испания) от 21.03.2014 № 2/2014 «О стратегических проектах, административном упрощении и оценке государственных услуг автономного сообщества региона Мурсия», Закон Автономного сообщества Галисия (Испания) от 25.02.2021 № 9/2021 (ред. от 18.10.2022) Об административном упрощении и поддержке экономического перезапуска Галисии», Закон Автономного сообщества Арагон (Испания) от 11.02.2021 № 1/2021 (ред. от 19.05.2022) «Об административном упрощении», целый ряд других актов регионов Испании.

Но не следует заблуждаться: упрощать сложные регуляторные тексты – это высокого уровня мастерство и даже искусство.

Как писал Жак Барзен, «правда в том, что простой английский язык не является ни для кого родным языком. Над ним нужно потрудиться» [40, с. 66]. То же самое можно сказать о «простом юридическом» французском, «простом юридическом» испанском, «простом юридическом» итальянском, «простом юридическом» русском и других языках в таких модальностях.

Слова Чарльза Мингуса: «Сделать простое сложным – это обычное дело; сделать сложное простым, потрясая простым – это и есть истинное творчество» (цит. по: [41]) – так же легко переносимы на регуляторную, норморайтерскую, нормо-оценочную деятельность.

Однако, в упрощении есть свои пределы, и чрезмерные переусердствование на этом поприще даст крайне негативный результат, тот, который Жан-Люк Варсман называет опасной для публичного порядка иллюзией [42].

Подходы к выработке стандартизированных процедур в этой области (несмотря на длительный уже опыт) только начинают складываться. И такая стандартизация – тоже уже сама по себе тренд будущего в развитии права.

И нельзя исключать, что российские законодатели всё же вернуться к проекту Федерального закона «О законах».

Как скоро это произойдёт, вопрос непростой.

Вынужденно согласимся со словами Алана Сигела и Айрин Этцкорн о том, что сила простоты как неосвоенного источника инноваций на сегодня недооценена [10, с. 25].

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представим финализирующие всё вышесказанное выводы.

1. Прогностический взгляд в будущее позволяет проследить весьма вероятные тенденции обретения регуляторной средой некоторых вполне выраженных свойств. Но это будущее, если мы говорим позитивном и pertinentном социально-порядковом и право-порядковом конструировании и развитии в ожидаемом и проектируемом (проактивно приближаемом) будущем, не предопределено, его достижение требует достижения должных уровней интенсивности (но при этом разумной взвешенности и сбалансированности), качества и полезности разработки и внедрения правовых инноваций, прежде всего – инновационных публично-правовых режимов.

2. Затягивание с внедрением правовых инноваций и инновационно-правовыми вмешательствами, с задействованием инновационных правовых режимов (впрочем, равно как и чрезмерно успешное из внедрение) выхолощивает такие инновации, обесценивает их потенциалы. Но именно регуляторный эксперимент (пусть даже с помощью машинных технологий, но эксперимент) выступает мериллом действительной инновационности и, главное, релевантности инновационности и инновационализации в праве, ибо, как писал Р.В. Джонс, значимый принцип обработки аналитической информации состоит в следующем: «не верьте в то, во что вы хотите верить, пока не узнаете то, что вам нужно знать» [43, с. 134]. И никакая (сколь-нибудь существенная) правовая инноватика не может просто приниматься на веру в норморайтерском проектировании, пока не будет экспериментально подтверждена.

3. Не будучи в состоянии прецизионно управлять ещё будущими событиями (которые мы можем оказаться и не в состоянии даже предсказать), мы вполне можем, способны фреймировать каналы обеспечения (с необходимой и достаточной вероятностью) будущей инновационализации в праве, посредством следующих предлагаемых нами мер:

- тезаурусная стандартизация в рассматриваемой сфере, обеспечивающая утверждение линейки ключевых правовых дефиниций в рассматриваемой сфере – как базовых («инновация», «правовая инновация», «юридико-техническая инновация», «инновационный»), так и вспомогательных – отражающих основные инструменты и механизмы достижения, удержания и обеспечения инновационности в сфере права (регуляторные песочницы, акт с исчерпываемым регуляторным или административно-распорядительным потенциалом, итеративно-адаптируемое регулирование, упрощение регулирования, мета-регулирование);

- стандартизация иерархии инновационных качеств и значений, чтобы предопределить релевантное оперирование таковыми и создать условия и предпосылки для отбора объективно более перспективных и, как следствие, приоритетных из них;

- стандартизация процессов мониторинга и аудита дефектов и положительных результатов применения инноватики в сфере права;

- принятие полноценного, развёрнутого федерального закона по вопросам правовой инноватики, который дал бы основания для создания чёткой логистической раскладки по правовым и финансово-экономическим (юридически обеспечиваемым) инструментариям поддержки тех или иных эшелонов инноватики в праве (стратегический и иные подуровни федерального уровня, федерально-окружной уровень, региональный (субъектовый) уровень, субрегиональный уровень, местный уровень).

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] *Urry J.* What is the Future? – Malden (MA, USA): Polity Press, 2016. – 226 p.
- [2] *Elangovan U.* Industry 5.0: The Future of the Industrial Economy. – Boca Raton (FL, USA): CRC Press, 2022. – xxi; 127 p.
- [3] *Massaro A.* Electronics in Advanced Research Industries: Industry 4.0 to Industry 5.0 Advances. – Hoboken (NJ, USA): John Wiley & Sons, 2022.
- [4] *Арустов Е.В.* Новые регламентарные технологии и прочие предвестники права будущего // *Ex jure.* – 2022. – № 2. – С. 8–18.
- [5] *Future Law: Emerging Technology, Regulation and Ethics / Edited by L. Edwards, B. Schafer and E. Harbinja.* – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. – xv; 389 p.
- [6] *Curran L.* Better Law for a Better World: New Approaches to Law Practice and Education. – New York: Routledge, 2021. – xxi; 313 c.
- [7] *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука / РАН; ИЗИСП при Правительстве РФ. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 176 с.
- [8] *Мажорина М.В.* Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica.* – 2019. – № 2. – С. 107–120.
- [9] *Понкин И.В.* К вопросу о будущем права интеллектуальной собственности // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* – 2022. – № 7. – С. 34–41.
- [10] *Сигел А., Эцкорн А.* Кратко. Ясно. Просто: Пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2015. – xviii; 231 с.
- [11] *Понкин И.В., Дегтярев М.В.* Право настоящего и будущего: понятие, функционал и потенциал смарт-контракта // *Бизнес, менеджмент и право.* – 2022. – № 3. – С. 22–27.
- [12] *Дегтярев М.В.* Моделирование в праве // *Вестник Пермского университета. Сер. «Юридические науки».* – 2021. – Вып. 53. – С. 436–461.
- [13] *Дегтярев М.В.* Предиктивное моделирование в праве: образ будущего законодательного акта // *Методологические проблемы цивилистических исследований (Ежегодник).* – Пермь, 2022. Вып. 4. – С. 163–180.
- [14] *Дегтярев М.В.* Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Буки Веди, 2022. – 424 с.

- [15] *Аристов Е.В.* Парадигма «эксперимент» в зарубежных конституциях и в теоретическом конституционализме // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 2021. – Т. 46. – № 3. – С. 499–505.
- [16] *Куприяновский В.П., Понкин И.В., Понкин Д.И.* Fintech, Regtech и регуляторные песочницы: понятие, цифровая онтология, перспективы // *Современные информационные технологии и ИТ-образование.* – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 224–234.
- [17] *Дегтярев М.В.* Концепт и комплекс инструментариев «регуляторная песочница» // *Право и государство (Казахстан).* – 2021. – № 4. – С. 53–70.
- [18] *Grodzins M.* Federal system // <http://www.mayfieldschools.org/Downloads/TheFederalSystem.pdf>.
- [19] *Cohen J., Grodzins M.* How much economic sharing in American federalism? // *The American political science review.* – 1963. – Vol. LVII. – P. 5–23.
- [20] Legal trends report – the top 5 trends expected to impact most legal organizations // <https://www.wolterskluwer.com/en/expert-insights/top-5-legal-trends-2022>>. – 14.09.2022.
- [21] *Морхам П.М.* Право и искусственный интеллект / Российская гос. академия интеллектуальной собственности. – М.: Юнити-Дана, 2018. – 544 с.
- [22] Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Восточный вектор / Под ред. А.В. Незнамова. – М., 2022. – 288 с.
- [23] *Понкин И.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Юридические науки».* – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.
- [24] *Понкин И.В.* Машинная правовая аналитика: понятие, онтология, значение для правовой деятельности // *Государственная служба.* – 2022. – Т. 24. – № 6. – С. 40–46.
- [25] *Понкин И.В.* Понятие «аналитика» // *International Journal of Open Information Technologies.* – 2019. – Vol. 7. – № 10. – С. 80–90.
- [26] *Понкин И.В.* Военная аналитика. Военное применение искусственного интеллекта и цифры / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2022. – 106 с.
- [27] *Понкин И.В.* Онтологии как инструментарий прикладной аналитики // *International Journal of Open Information Technologies.* – 2023. – Vol. 11. – № 2. – С. 77–84.
- [28] *Понкин И.В., Редькина А.И.* Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (ВМ) в праве // *Государственная служба.* – 2020. – Т. 22. – № 2. – С. 64–69.
- [29] *Понкин И.В.* Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд // *International Journal of Open Information Technologies.* – 2023. – Vol. 11. – № 1. – С. 118–127.
- [30] *Юхно А.С.* Понятие, особенности и перспективы развития концепции метавселенной // *Мир новой экономики.* – 2022. – Т. 16. – № 4. – С. 6–19.
- [31] *Понкин И.В.* Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в РегТехе, содержание, онтология и перспективы // *International Journal of Open Information Technologies.* – 2020. – Vol. 8. – № 9. – С. 59–69.
- [32] *Schuck P.H.* Legal Complexity: Some Causes, Consequences, and Cures // *Duke Law Journal.* – 1992. – Vol. 42. – № 1. – P. 1–52.
- [33] *When Laws Become Too Complex: A review into the causes of complex legislation.* – London: Office of the Parliamentary Counsel, 2013. – 33 p.
- [34] Reducing complexity in legislation. Document release 2.1. Reissued June 2016 / Australian Government, Office of Parliamentary Counsel // https://www.opc.gov.au/sites/default/files/reducingcomplexity_0.pdf.
- [35] *Понкин И.В., Лантева А.И.* Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 3-е, дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2022. – 754 с. https://moscou-ecole.ru/2022/03/31/methodology_research_analytics_3_ed/.
- [36] *Понкин И.В.* Теория государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 529 с.
- [37] Federal Plain Language Guidelines, March 2011, Revision 1, May 2011 // <https://www.plainlanguage.gov/media/FederalPLGuidelines.pdf>.
- [38] *Moukad R.* New York's Plain English Law // *Fordham Urban Law Journal.* – 1980. – Vol. VIII. – № 2. – P. 451–465.
- [39] Полное собрание законов Российской Империи с 164 года. Томъ XVIII: 1767–1769. – С.-Петербургъ, 1830.
- [40] *Barzun J.* Teacher in America. – Indianapolis (Indiana, USA): Liberty Fund, 1981. – xxv; 466 p.
- [41] Parting Words: Charles Mingus // <https://www.npr.org/2008/07/27/92976018/parting-words-charles-mingus>>. – 27.07.2008.
- [42] *Warsmann J.-L.* Rapport sur la qualité et la simplification du droit // <https://www.senat.fr/dossier-legislatif/pp109-130.html>.
- [43] *Jones R.V.* Reflections on Secret Intelligence. – London, Mandarin, 1989.

Trends in the Innovationalisation of Law

Mikhail Degtyarev

Abstract – The article is devoted to the study and interpretation of trends in the Innovationalisation of Law. This is due to the fact that the target interdisciplinarity of many modern technological innovations predetermines the objective need for their succeeding regulatory support and accompaniment, as a consequence - it entails the need to address the question of the future in the field of law. The author refers to the nature and meaning of legal innovations, explains the concept of legal innovations. The author identifies a number of trends in the current (with extrapolation to the subsequent, to the future) development of law, which he associates with innovation. Among them, the author dwells in more detail on the following trends: 1) the trend of progressive increase in the technologization of professional legal activity; 2) the trend of increasing complexity of the ontology of law and regulatory spaces; 3) the trend of ontological simplification of law. According to the author's position, there are many different reasons for the increasing complexity of law and law in general, as well as reasons for the prerequisites of non-linear growth of complexity. The tendency of increasing complexity and entropy (chaotization, confusion, disorderliness) of legislation is due to the very specifics of the phenomenon of law; and objectively, the trends of increasing complexity of regulatory landscapes, regulatory environments cannot but be accompanied and counterbalanced by trends of their forced streamlining and simplification. The author concludes that the predictable future in the sphere of law (achieved by active positive and proactive construction of the legal order and legal space) is not predetermined, its achievement requires the application of certain significant efforts. The article proposes a number of measures that predictively order the described trends.

Keywords — legal innovation, innovative public-legal regimes, atypical regulatory technologies, technologies in professional legal activity.

УДК 34:007; 34.01; 342; 341; 004.8; 004.9; 006; 007; 681.5

ББК 67:30; 67.0; 66.0; 67.4; 67.412; 67.401; 67.400.7; 67.5

Degtyarev Mikhail – PhD (Law), postdoctoral of the department of administrative law and process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). (e-mail: mvdegtyarev@adm.khv.ru).

REFERENCES

- [1] *Urry J.* What is the Future? – Malden (MA, USA): Polity Press, 2016. – 226 p.
- [2] *Elangovan U.* Industry 5.0: The Future of the Industrial Economy. – Boca Raton (FL, USA): CRC Press, 2022. – xxi; 127 p.
- [3] *Massaro A.* Electronics in Advanced Research Industries: Industry 4.0 to Industry 5.0 Advances. – Hoboken (NJ, USA): John Wiley & Sons, 2022.
- [4] *Aristov E.V.* Novye reglamentarnye tekhnologii i prochie predvestniki prava budushchego [New regulatory technologies and other harbingers of the law of the future] // *Ex jure*. – 2022. – № 2. – P. 8–18.
- [5] *Future Law: Emerging Technology, Regulation and Ethics* / Edited by L. Edwards, B. Schafer and E. Harbinja. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. – xv; 389 p.
- [6] *Curran L.* Better Law for a Better World: New Approaches to Law Practice and Education. – New York: Routledge, 2021. – xxi; 313 c.
- [7] *Khabrieva T.Y., Chernogor N.N.* Budushchee prava. Nasledie akademika V.S. Stepina i iuridicheskaya nauka [The Future of Law. The Legacy of Academician V.S. Stepin and Legal Science]. – Moscow: INFRA-M, 2021. – 176 p.
- [8] *Majorina M.V.* Tsifrovye platformy i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili est' li budushchee u kiberprava? [Digital Platforms and Private International Law, or Does Cyber Law Have a Future?] // *Lex russica*. – 2019. – № 2. – P. 107–120.
- [9] *Ponkin I.V.* K voprosu o budushchem prava intellektual'noi sobstvennosti [On the Future of Intellectual Property Law] // *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual Property. Copyright and related rights]. – 2022. – № 7. – P. 34–41.
- [10] *Siegel A., Etkorn I.* Kratko. Iasno. Prosto [Briefly. Clearly. Simply]. – Moscow: Olymp-Business, 2015. – xviii; 231 p.
- [11] *Ponkin I.V., Degtyarev M.V.* Pravo nastoiashchego i budushchego: poniatie, funktsional i potentsial smart-kontrakta [The Law of the Present and the Future: the Concept, Functionality and Potential of a Smart-Contract] // *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management and Law]. – 2022. – № 3. – P. 22–27.
- [12] *Degtyarev M.V.* Modelirovanie v prave [Modeling in Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. – 2021. – № 53. – P. 436–461.
- [13] *Degtyarev M.V.* Prediktivnoe modelirovanie v prave: obraz budushchego zakonodatel'nogo akta [Predictive Modeling in Law: the Image of the Future Legislative Act] // *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy (Ezhegodnik)* [Methodological problems of the civil law researches (Yearly Periodical Scientific Journal)]. – Perm, 2022. Vol. 4. – P. 163–180.
- [14] *Degtyarev M.V.* Noveishie reguliatsionnye tekhnologii i instrumenty: Reguliatsionnye eksperimenty, pesochnitsy, gil'otiny, ekosistemy, platformy [The new regulatory technologies and tools: Regulatory experiments, sandboxes, guillotines, ecosystems, platforms] / *Kutafin Moscow State Law University*. – Moscow: Buki Vedi, 2022. – 424 p.
- [15] *Aristov E.V.* Paradigma «eksperiment» v zarubezhnykh konstitutsiakh i v teoreticheskom konstitutsionalizme [The Paradigm of the "Experiment" in Foreign Constitutions and in Theoretical Constitutionalism] //

- NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. – 2021. – Vol. 46. – № 3. – P. 499–505.
- [16] *Kupriyanovsky V.P., Ponkin I.V., Ponkin D.I.* Fintech, Regtech i reguliatorynye pesochitsy: poniatie, tsifrovaia ontologiya, perspektivy [Fintech, Regtech and Regulatory Sandboxes: Concept, Digital Ontology, Perspectives] // *Sovremennye informacionnye tehnologii i IT-obrazovanie [Modern Information Technologies and IT-Education]*. – 2020. – Vol. 16. – № 1. – P. 224–234.
- [17] *Degtyarev M.V.* Kontsept i kompleks instrumentariyev «reguliatornaia pesochitsa» [Concept and set of tools «regulatory sandbox».] // *Pravo i gosudarstvo [Law and State (Kazakhstan)]*. – 2021. – № 4. – P. 53–70.
- [18] *Grodzins M.* Federal system // <<http://www.mayfieldschools.org/Downloads/TheFederalSystem.pdf>>.
- [19] *Cohen J., Grodzins M.* How much economic sharing in American federalism? // *The American political science review*. – 1963. – Vol. LVII. – P. 5–23.
- [20] Legal trends report – the top 5 trends expected to impact most legal organizations // <<https://www.wolterskluwer.com/en/expert-insights/top-5-legal-trends-2022>>. – 14.09.2022.
- [21] *Morkhat P.M.* Pravo i iskusstvennyi intellekt [Law and Artificial Intelligence] / Russian State Academy of Intellectual Property. – Moscow: Unity-Dana, 2018. – 544 p.
- [22] Global Atlas of Artificial Intelligence Regulation. Oriental Vector / Ed. by A.V. Neznamov. – Moscow, 2022. – 288 p.
- [23] *Ponkin I.V., Redkina A.I.* Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava [Artificial Intelligence from the Point of View of Law]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law]*. – 2018. – Vol. 22. – № 1. – P. 91–109.
- [24] *Ponkin I.V.* Mashinnaia pravovaia analitika: poniatie, ontologiya, znachenie dlia pravovoi deiatel'nosti [Computational Legal Analytics: concept, ontology, significance for legal activity] // *Gosudarstvennaia sluzhba [Public Administration]*. – 2022. – Vol. 24. – № 6. – P. 40–46.
- [25] *Ponkin I.V.* Poniatie «analitika» [The concept of «analytics»] // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2019. – Vol. 7. – № 10. – P. 80–90.
- [26] *Ponkin I.V.* Voennaia analitika. Voennoe primenenie iskusstvennogo intellekta i tsifry [Military analytics: Military applications of Artificial Intelligence and digital technologies]. – Moscow: Buki Vedi, 2022. – 106 p.
- [27] *Ponkin I.V.* Ontologii kak instrumentarii prikladnoi analitiki [Ontologies as a Toolkit for Practical Analytics] // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2023. – Vol. 11. – № 2. – P. 77–84.
- [28] *Ponkin I.V., Redkina A.I.* Tsifrovoye gosudarstvennoe upravlenie: metod tsifrovoykh modelei-dvoynikov (BIM) v prave [Digital public administration: method of digital models-doubles (bim) in law] // *Gosudarstvennaia sluzhba [Public Administration]*. – 2020. – Vol. 22. – № 2. – P. 64–69.
- [29] *Ponkin I.V.* Kiber-meta-vselennaia: pravovoi vzgliad [Metaverse: Legal Perspective] // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2023. – Vol. 11. – № 1. – P. 118–127.
- [30] *Yukhno A.S.* Poniatie, osobennosti i perspektivy razvitiia kontseptsii metavselennoi [The Concept, features and Prospects for the Metaverse Construct Development] // *Mir novoi ekonomiki [World of the New Economy]*. – 2022. – Vol. 16. – № 4. – P. 6–19.
- [31] *Ponkin I.V.* Kontsept mashinochitaemogo i mashinoispolniaemogo prava: aktual'nost', naznachenie, mesto v RegTekhe, sodержanie, ontologiya i perspektivy [The concept of machine-readable and machine-executable law: relevance, purpose, place in RegTech, content, ontology and prospects] // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2020. – Vol. 8. – № 9. – P. 59–69.
- [32] *Schuck P.H.* Legal Complexity: Some Causes, Consequences, and Cures // *Duke Law Journal*. – 1992. – Vol. 42. – № 1. – P. 1–52.
- [33] *When Laws Become Too Complex: A review into the causes of complex legislation*. – London: Office of the Parliamentary Counsel, 2013. – 33 p.
- [34] Reducing complexity in legislation. Document release 2.1. Reissued June 2016 / Australian Government, Office of Parliamentary Counsel // <https://www.opc.gov.au/sites/default/files/reducingcomplexity_0.pdf>.
- [35] *Ponkin I.V., Lapteva A.I.* Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoi analitiki: Uchebnik [Methodology of Scientific Research and Practical Analytics: A Textbook]. Edition 3. – Moscow: Buki Vedi, 2022. – 754 p. <https://moscouecole.ru/2022/03/31/methodology_research_analytics_3_ed/>.
- [36] *Ponkin I.V.* Teoriia gosudarstvennogo upravleniya: Uchebnik [Theory of Public Administration: Textbook]. – Moscow: INFRA-M, 2019. – 529 p.
- [37] Federal Plain Language Guidelines, March 2011, Revision 1, May 2011 // <<https://www.plainlanguage.gov/media/FederalPLGuidelines.pdf>>.
- [38] *Moukad R.* New York's Plain English Law // *Fordham Urban Law Journal*. – 1980. – Vol. VIII. – № 2. – P. 451–465.
- [39] *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii s 164 goda [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire since 164]*. Vol. XVIII: 1767–1769. – St. Petersburg, 1830.
- [40] *Barzun J.* Teacher in America. – Indianapolis (Indiana, USA): Liberty Fund, 1981. – xxv; 466 p.
- [41] Parting Words: Charles Mingus // <<https://www.npr.org/2008/07/27/92976018/parting-words-charles-mingus>>. – 27.07.2008.
- [42] *Warsmann J.-L.* Rapport sur la qualité et la simplification du droit // <<https://www.senat.fr/dossier-legislatif/pp109-130.html>>.
- [43] *Jones R.V.* Reflections on Secret Intelligence. – London, Mandarin, 1989.